

ОНТОЛОГИЯ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

УДК 81'37:165.19

К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ

А.Е. Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, Россия, 603155
abotchkaev@hse.ru

В каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания — как представления, понятия или идеи, предрассудки, социальные конвенции или ментальные репрезентации, — все без исключения теории значения совпадают в главном: фоновые знания суть необходимые условия понимания. Эпистемологически ориентированной семантике надлежит в этой связи уяснить, как варьируются с исследовательской позицией востребованные в толковании знания, какие знания избираются преимущественно в толковании и можно ли построить на принципах «эпистемологического консерватизма» единую модель толкования.

Ключевые слова: теория значения, эпистемология, знания, социальные нормы, ментальные репрезентации

ВВЕДЕНИЕ

Эпистемология традиционно занимается изучением знания. В качестве «науки о знании» эпистемология совпадает отчасти с историей, социологией и философией науки [Мокшицкий 1991: 109—124; Ору 2000: 84—118; Щедровицкий 1997: 437—440]. Сходным здесь является, безусловно, понимание знания как исторически изменчивой социокультурной реальности, отличным — область применения, объект, задачи и методы исследования. Оставаясь в кругу философской мысли по содержанию и методам, философия науки, например, замыкается преимущественно на философских аспектах знания, континуальности и прерывистости познания, социология — на социальной институционализации знания, история науки — на исторической эволюции научного знания, тогда как эпистемологии достаются по определению наиболее общие вопросы: структура горизонта ретроспекции, условия производства, хранения, переработки и передачи знаний.

Вне зависимости от общей теории знания эпистемологической является, по сути, и традиционная для теории языка рефлексия в отношении объекта, принци-

пов и методов его изучения. В самом общем виде она сводится к извечным методологическим вопросам, насколько верно моделируется в теории объект и какие следует предъявлять к теории требования как условию, обеспечивающему эвристическую ее значимость, простоту, прогностическую и объяснительную силу, а в частном преломлении преобразуется в историю лингвистических учений — «историю и эпистемологию наук о языке» [Ору 2000]. Особый интерес здесь вызывает, очевидно, не каталогизация известных теорий и учений, не приклеивание этикеток, а осознание обусловивших их эпистемологических предпосылок, преемственности и разрывов знания в отношениях между языком-объектом и всевозможными его «рациональными реконструкциями», по Г. Рейхенбаху.

Наряду с рефлексией в отношении эволюции лингвистических идей эпистемологическим является, наконец, и традиционный вопрос, которым задается «изнутри» любая теория значения: как отражаются в языке знания о мире? какие знания учитывать в толковании? на каких знаниях должна строиться адекватная теория значения? Действительно, идет ли речь о герменевтике, интерпретирующей семантике, теории речевых актов, когнитивной семантике или исследованиях по искусственному интеллекту, ни одна теория значения не обходится без обращения к фоновым знаниям. В герменевтике их подают как предрассудки (*préjugés*), в теории речевых актов — как социальные конвенции, в исследованиях по искусственному интеллекту — как скрипты и семантические сети, в когнитивной семантике — как опытные гештальты, прототипы, лексические стереотипы и фреймы, в интерпретирующей семантике — как социальные нормы, прагматические пресуппозиции, фон невысказанных допущений. Причем в каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания, главное здесь даже не понять, *где* проходит граница между более или менее достоверным знанием, а установить, *какими* системами представлений руководствуются всякий раз говорящие и *почему* востребованными в толковании оказываются такие, а не какие-то другие представления.

Без такого самопознания семантике не обойтись, особенно если ее интересуют не сами по себе факты значения, но и модели их репрезентации в металингвистическом описании. Эпистемологически ориентированной теории значения надлежит в этой связи уяснить:

- как оперируют знаниями в семантической интерпретации;
- как взаимодействуют в составе значения разные виды знания;
- как обеспечивается в таком взаимодействии единство значения.

Решив эти задачи, можно установить, на каких знаниях основываются преимущественно те или иные теории значения, в чем заключаются существующие между ними различия и какой должна быть в идеальном раскладе эпистемологически ориентированная модель значения [Бочкарев 2007].

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫХ ТАКСОНОМИЙ

В позитивистском определении знание однозначно, как однозначно и незнание. Во имя позитивистской научности и объективности недостоверными мнениями, тем паче ложными суждениями и заблуждениями, здесь можно пренебречь

как не отвечающими истинному положению вещей. Поэтому неслучайно в таксономической обработке анализ значения сопрягается необходимым образом с абсолютно достоверным специально-научным знанием: от объективированного в общественной практике заключения в значениях, значение проверяют в обратном порядке на соответствие тому же знанию. Например, чтобы установить истинностное значение широко обсуждавшегося высказывания *Собака комиссара лает*, онтологически ориентированной условно-истинностной семантике требуется сначала уяснить, какому онтологическому классу принадлежит субъект суждения, какими свойствами наделяются в пределах заданной области знания все (или почти все) представители этого класса, и только затем судить, соответствует ли субъекту суждения присоединенный предикат. Так компоненты значения отождествляются по умолчанию с таксономическими свойствами обозначаемой словом вещи.

Таксономические признаки суть, безусловно, необходимые, но не единственно возможные компоненты значения. Каким бы привлекательным ни казался постулируемый в онтологической семантике принцип соответствия значения вещи, языковое значение нельзя ограничивать специально-научным знанием вещи. В противном случае толкование низойдет до регистрации исключительно только онтологических свойств — весьма существенных, согласимся, для разумения, чем является «на самом деле» обозначаемая словом вещь, но недостаточных для понимания того, какой она видится человеку в языке. В речевом обиходе, во всяком случае, помимо таксономических признаков ‘домашнее животное’, ‘семейство хищных млекопитающих’, русск. *собака* определяется еще и по некоторым афферентным, но оттого не менее значимым признакам, например: ‘сторож’ (*Осторожно, злая собака*); ‘друг’ (*Собака — друг человека*), ‘член семьи’ (*Папа тебя сейчас прогуляет*) и т.п.¹ Жертвовать такими компонентами значения в угоду пресловутому «чувству реальности», по Б. Расселу, значит существенным образом обеднять языковое значение.

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ

Наряду с научными таксономиями в оформлении языкового значения участвует, согласимся, и то, что находится, как говорил Платон, «за пределами знания» [Платон 1990—1994. Т. 2: 263] или, как поясняет Дж. Лакофф, за пределами объективного знания [Лакофф 2004: 168, 185, 201, 214, 215]. В определении Платона это мнение большинства [Платон 1990—1994. Т. 1: 102—104, 135—136; Т. 2: 228, 263; Т. 3: 142, 318], в определении Аристотеля — то, что кажется правиль-

¹ О социально нормированных афферентных признаках можно к тому же судить и по зафиксированным фразеологическим оборотам: *собачья жизнь* (в значении «тяжелая жизнь»), *собачий характер* (в значении «плохой характер»), *собачий холод* (в значении «очень холодно»), *собачья радость* (в значении «колбаса самого низкого качества»), *собака на сене* (в значении «не пользоваться чем-либо и другим не давать»), *собачиться* (в значении «браниться»), *как собак нерезаных* (в значении «в большом количестве»), *всех собак вешать* (в значении «необоснованно возводить обвинения») и т.д.

ным всем или большинству людей [Аристотель 1978: 349], в определении В.Н. Волошинова — «подразумеваемое» семьи, рода, нации, класса [Волошинов 1995: С. 65—69; ср. Гадамер 1988: 317—355, 586].

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

На таких представлениях выстраиваются в известной степени и социальные нормы, которыми оперирует интерпретирующая семантика [Растье 2001: 42—43; ср. Бочкарев 2012: 69—75]. В приложении к языку как «общественному установлению» и «факту культуры», по Э. Косериу, это общепринятые мнения типа *doxa*, так или иначе инкорпорированные в языковых произведениях в виде сопутствующих нормативных систематик. Например, чтобы понять тавтологичное высказывание вида *Война есть война*, нелишне знать, повторим за Ю.Д. Апресяном, чем «наблюдаемое положение вещей отклоняется от нормы добра, человечности, морали, порядка» [Апресян 1995: 167]. Не менее показательны в изложении Ф. Растье и широко используемые в качестве «инструмента идеологического воспитания» упражнения с пропусками из школьной практики. Учащимся предлагается, например, установить наиболее подходящий вариант сочетаемости существительных *заклоченный* и *начальник тюрьмы* с прилагательными *доброжелательный* и *раскаивающийся* в дескрипциях вида *раскаивающийся начальник — доброжелательный заключенный* или *доброжелательный начальник — раскаивающийся заключенный*, а затем привести соответствующие доводы в пользу «правильного» выбора: если *заклоченный* — значит виновный; если виновный — значит должен раскаяться. С помощью таких упражнений нельзя, конечно же, обучиться языку, зато можно усвоить, заключает Ф. Растье, некоторые общезначимые социальные нормы [Растье 200: 143].

Разумеется, примеры социальных норм можно обнаружить не только в области этики и идеологии. Ими изобилует любая коммуникативная ситуация, и не только потому, что моделируется в соответствии с каким-то определенным ситуативным типом, но еще и потому, что употребляемые в ситуации языковые выражения согласуются с общезначимыми социальными конвенциями. В качестве иллюстрации возьмем пример К. Бюлера. Когда немногословный посетитель венского кафе говорит официанту: *einen schwarzen* или *schwarz* ‘черный’, а затем добавляет *ohne* ‘без’, официант, конечно же, понимает, что речь идет о чашке кофе, а не о чем-то другом [Бюлер 1993: 141—144]. Восполнить опущенные элементы позволяет прагматический контекст, а точнее востребованные в контексте конвенциональные знания о том, что из заказываемых в кофейне напитков черным может быть только кофе, что кофе подают с сахаром или без сахара и т.п. Такие «знания в скобках» суть необходимые прагматические пресуппозиции, без которых не обходится никак понимание.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

С социальными нормами совпадают отчасти и так называемые лексические стереотипы. В определении Х. Патнэма это убеждения (beliefs), с которыми связываются в сознании говорящих основные «культурные ожидания» [Putnam 1990: 34, 40—41]. В стереотипном представлении *тигр*, например, имеет полоски; *золото* — драгоценный металл желтого цвета; *король* правит страной; *колдунья*

наводит порчу, а всякое отклонение от типичного случая только подтверждает общее правило: стереотипное представление задается по наиболее типичным свойствам обозначаемой словом вещи.

Установка на стереотипные представления становится очевидной при сравнении разноязычных слов с общим референтным значением. Действительно, даже согласившись, что любое выражение на одном языке можно перевести на другой язык, нельзя не задаться вместе с Х. Патнэмом вопросом, насколько эквивалентны, например, англ. *king*, франц. *roi* и русск. *король* [там же: 96—97, 99] и как обеспечивается в разных толкованиях общность значения. В системе существующих представлений именные выражения совпадают действительно по некоторым общезначимым прототипическим признакам типа ‘верховный правитель’, ‘по праву наследования’, ‘мужского пола’, но различаются по специфически национальным отличиям: в некоторых странах страной правит королева, королевская власть не передается по наследству, ограничивается конституцией, короли не правят больше страной и т.п. Поэтому, заключает Х. Патнэм, вместо анализа в терминах необходимых и достаточных условий наиболее подходящим оказывается скорее анализ в терминах «семейного сходства» — по аналогии с разбираемым Л. Витгенштейном понятием игры [Витгенштейн 1994: 111—112]. Как и в случае с разными видами игры — игрой с мячом, теннисом, шахматами или борьбой, — единство значений обеспечивается по принципу «семейного» сходства. Из всех потенциально возможных свойств отбираются такие свойства, по которым задается общее значение, так что набор стереотипных признаков сводится в итоге к идеализированной репрезентации «нормального случая»: *король* правит своими подданными; *колдунья* наводит порчу; *золото* — металл желтого цвета и т.п.

ЗНАНИЯ В ТЕРМИНАХ ИДЕАЛИЗИРОВАННЫХ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ

В когнитивном отображении востребованные в понимании знания преобразуются в ментальные репрезентации: идеальные примеры, образцы, гештальты, прототипы и фреймы. Например, чтобы понять высказывание вида *Мама моет раму*, все входящие сюда именные выражения можно соотнести с известными прототипическими свойствами, которыми наделяются в обыденном сознании *мама* и *рама*, высказывание — с типовым сценарием, сообразно которому *рамы дома моет по обыкновению мама*. Такие модели представления знаний позволяют уяснить, что представляют собой востребованные в понимании знания и, главное, как оперируют этими знаниями в толковании. Ибо, как полагают в когнитивной семантике, только такие извлекаемые из памяти модели позволяют с очевидностью судить, какими признаками, свойствами и состояниями наделяются в сознании говорящих обозначаемые словами вещи и как вообще надлежит понимать образованные на их основе высказывания¹.

¹ Понимание, напротив, затрудняется, когда для истолкования анализируемой языковой последовательности затруднительно или нельзя вообще подобрать методом проб и ошибок ни одну подходящую по случаю когнитивную модель. Интерпретатору не остается в таком случае ничего другого, как подгонять проблемное высказывание под какую-то

Обобщить такие поистине разнообразные модели понимания призвана по определению теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа [10]¹.

Остановимся подробнее на разновидностях таких моделей представления знаний.

Образно-схематические модели отражают базовый уровень пространственного восприятия физических объектов, а также существующие между ними связи и отношения. В определении Дж. Лакоффа это «базовые структуры опыта», характеризующие «наш пространственный опыт», «наш опыт функционирования в пространстве», «наше восприятие и физическое движение тела», «отношения между объектами» [Лакофф 2004: 368, 379—380]. Например, пространственное употребление англ. *on* «на» в высказывании вида *the cat is on the mat* «кошка на коврике» основывается на кластере из кинестетических образных схем «над», «контакт» и «опора», позволяющих уяснить, какие отношения складываются в высказывании между именными выражениями *cat* «кошка» и *mat* «коврик».

Пропозициональные модели обеспечивают формат представления знаний, определяемых для какой-то предметной области по типу сетевых структур в вычислительных моделях мышления. Например, пропозициональная модель, характеризующая наше знание об огне, содержит пропозициональную информацию о том, что огонь опасен, что его используют для приготовления пищи; модель, характеризующая наше знание о деньгах — информацию о том, что деньги зарабатывают, тратят, теряют, дают или берут займы и т.п. Посредством пропозициональных структур осмысливаются, таким образом, элементы какой-то определенной предметной области, равно как и существующие между ними связи и отношения [там же: 157, 160].

более или менее пригодную модель, а за отсутствием такой модели — признать собственную свою несостоятельность. Например, чтобы истолковать широко обсуждаемую фразу Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», Р. Мартен предлагает переосмыслить предиктируемые идеи признаки: *яростно спящую* как давно забытую, *зеленую* как желание отправиться на лоно природы [цит. по: Растье 2001: 169]. Рейнхарт предлагает, со своей стороны, истолковать *зеленую идею* по аналогии с незрелым яблоком как «незрелую идею» [цит. по: Миллер 1990: 277—278]. При желании можно также вообразить и некий контрафактический универсум вроде Зазеркалья Льюиса Кэрролла, в котором вопреки известному логическому закону объектам можно приписать в одно и то же время и в одном и том же отношении взаимоисключающие свойства: (i) *ideas* ‘абстрактный’ — *green* ‘конкретный’; *ideas* ‘абстрактный’ — *sleep* ‘конкретный’; (ii) *colourless* ‘бесцветный’ — *green* ‘цветной’; *sleep* ‘спокойный’ — *furiously* ‘беспокойный’. В таком случае понимание задается по законам фиктивного универсума с иными требованиями к значению истинности.

¹ Отправными ориентирами Дж. Лакоффу служат, в частности, теория прототипов Э. Рош, фреймовая семантика Ч. Филлмора, теория метафоры и метонимии М. Джонсона и Дж. Лакоффа, когнитивная грамматика Р. Лангакера, теория ментальных пространств Ж. Фоконье. С когнитивной грамматикой отчасти согласуется образно-схематическая модель, с фреймовой семантикой — пропозициональная модель, с теорией метафоры — метафорическая модель, с теорией прототипов — метонимическая модель.

Метафорические модели строятся по правилам метафорической проекции путем отображения структурных элементов одной концептуальной области по позициональной или образно-схематической модели другой концептуальной области [Лакофф 2004: 158, 374, 393, 436]. Например, англ. *time* ‘время’ предстает в языке в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для money ‘деньги’: ср. *spent / waste time* ‘тратить / тратить зря время (деньги)’, а охватывающие человека эмоции — в терминах телесной ориентации в пространстве по кинестетической образной схеме ВЕРХ—НИЗ: ср. *I'm feeling up* букв. ‘чувствую себя наверху’; *I'm feeling down* букв. ‘чувствую себя внизу’ или ВНУТРИ—СНАРУЖИ: ср. *I fell into depression* ‘впал в депрессию’.

Метонимические модели суть такие идеализированные когнитивные модели, в которых категория представляется в пределах единой концептуальной области наиболее представительной своей частью — членом категории или субкатегорией [Лакофф 2004: 111—127, 269—270, 475—476.]. Например, в категории *X*, состоящей из элементов x_1, x_2, x_3, x_n , какой-то элемент, допустим x_1 , замещает «для целей вывода или оценок» остальные элементы, поскольку воспринимается говорящими в качестве наиболее типичного, образцового представителя категории.

В заместительном типе мышления, которым характеризуются по определению метонимические модели, когнитивной точкой отсчета могут быть, по Дж. Лакоффу, как типичные примеры, идеалы и образцы (в понимании Э. Рош), так и социальные стереотипы (в понимании Х. Патнэма). В терминах типичных примеров мужа, например, можно охарактеризовать по отношению к какому-то типичному представителю класса мужей, в терминах идеалов — вообразить как хранящего верность жене, в терминах социальных стереотипов — представить как располневшего скучного мужчину.

Представленные Дж. Лакоффом модели обеспечивают, безусловно, необходимый формат обработки анализируемых выражений. Но даже признав, что языковые выражения соотносятся с вещами через посредство хранимых в памяти когнитивных моделей и что эти модели варьируются от языка к языку, нельзя не признать, что изучать языковые выражения лингвистической семантике надлежит прежде всего как языковые выражения¹. Значение анализируемого выра-

¹ В противном случае семантический анализ низойдет до изучения ментальных репрезентаций, тогда как они участвуют в семиозисе в качестве разве только прагматических пресуппозиций и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается текущим контекстом. Недаром, уточняя понятие фрейма в русле семантики понимания, Ч. Филлмор обращается в первую очередь к лексико-семантическим средствам его воплощения, дабы изучать «единую схематизацию опыта» в терминах связей и отношений между словами. Например, в сугубо языковом определении установить значение англ. *Thursday* ‘четверг’ можно с определенностью только в рамках засвидетельствованного в языке календарного цикла из семи дней — в отношении к *Monday* ‘понедельник’, *Tuesday* ‘вторник’, *Wednesday* ‘среда’, *Friday* ‘пятница’, *Saturday* ‘суббота’ и *Sunday* ‘воскресенье’. Аналогичным образом англ. *father* ‘отец’ нельзя изучать отдельно от *mother* ‘мать’, *son* ‘сын’ и *daughter* ‘дочь’; англ. *buy* ‘покупать’ — отдельно от *sell* ‘продавать’, *pay* ‘платить’, *spend* ‘тратить’ и *cost*

жения устанавливаются в таком случае не на основе коррелирующих с ним ментальных репрезентаций, а по условиям употребления с другими выражениями. Так, в отношении разбираемого выше примера можно сказать, что русск. *огонь* определяется в языке не только в отношении к продуктам горения, но и в отношении к чувствам и свойствам человеческого характера, о чем мы в состоянии судить как по присоединенным предикатам, так и по засвидетельствованным фразеологическим оборотам: *из огня да в полымя* (в значении ‘опасность’); *прошел огонь, воду и медные трубы* (в значении ‘испытание’); *огонь желаний* (в значении ‘страсть’). В контексте «разжечь» актуализации в первую очередь подлежат *пламя, горение*; в контексте «прошел» — *испытание*; в контексте «желаний» — ‘чувство’. При этом утверждать, насколько эти признаки кодифицированы в языке, можно только по частотности их воспроизводства в корпусе засвидетельствованных употреблений.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В каких бы терминах ни представлялись востребованные в толковании знания — как представления, понятия или идеи, социальные нормы, лексические стереотипы, прототипы, фреймы или идеализированные когнитивные модели, — все без исключения теории значения сходятся в главном: знание разнообразно и многозначно, как разнообразны и многозначны виды и способы его представления в металингвистическом описании. Поэтому вместо догматического принципа *или* — *или*, с которым мы сталкиваемся нередко в теориях значения, наиболее адекватным становится скорее принцип *и* — *и*, сообразно которому разные системы представлений не только не отменяют, но предполагают друг друга в необходимом различии.

Отвечая общей тенденции к интеграции, такой подход позволяет по меньшей мере обобщить накопленные знания, а в пределе — построить на принципах «эпистемологического консерватизма», по С. Ору, такую модель, в которой учитывались бы в единстве многообразия возможности разных подходов к значению.

Постулатами семантической теории интегративного характера могут, в частности, служить следующие положения.

В оформлении языкового значения участвуют разные системы представлений — от объективированных в общественной практике специально-научных знаний до обыденных, пусть и не всегда достоверных, мнений и убеждений: одни в силу объективной наличности, другие — как действительное состояние чьего-то сознания.

В условиях переменного знания исследуемое семантикой значение релятивируется необходимым образом относительно исследовательской позиции, опре-

‘стоять’; англ. *day* ‘день’ — отдельно от *night* ‘ночь’, *noon* ‘полдень’, *midnight* ‘полночь’, *morning* ‘утро’, *afternoon* ‘время после полудня’, *evening* ‘вечер’ и т.п. Во всех случаях, заключает Ч. Филлмор, «мы можем знать значения отдельных слов только при предварительном сознании фактического основания отношения, которое они определяют» [Филлмор 1988: 55].

деляющей самым кардинальным образом формат толкования: сводить ли значение к понятиям, схемам повседневного опыта, социальным нормам, опытным гештальтам, ментальным репрезентациям, дистрибуции, значимым противопоставлениям, пропозициональным установкам, интенциональным состояниям или операциям по исчислению высказывания. При этом интерес для истории и эпистемологии наук о языке вызывают, безусловно, все без исключения теории значения хотя бы потому, что позволяют соизмерить возможности отдельных теорий, принципов и методов анализа и тем самым понять, как эволюционирует научное знание и насколько радикальны, наконец, происходящие в науке о значении «эпистемологические разрывы», в понимании Г. Башеляр.

В интегральной теории значения содержание знания может быть только многозначным: равным образом включать как объективное, так и субъективное, как достоверное, так и непроверенное знание. С такой многозначностью смыкается, по сути, принципиальная установка гуманитарных наук на переменный характер значения-знания, на производные в общественной практике переменные отношения между знаками, вещами и опосредующими их представлениями.

Каким бы ни было постулируемое значение, эвристически ценным в эпистемологической перспективе является, по сути, не соответствие значения вещи: *adaequatio rei et intellectus*, а понимание того, как задается это соответствие в составе значения.

Пусть языковые выражения и соотносятся с вещами через посредство когнитивных аналогов знания, из этого не следует, что языковое значение можно сводить к таким аналогам в силу исключительно когнитивного соответствия. Собственно языковым анализ значения может быть только при условии изучения языковых выражений на основе самих выражений.

Востребованными в толковании могут быть любые знания при условии, если эти знания интегрируются в семантическом анализе в качестве тех или иных компонентов значения — ингерентных и/или афферентных сем.

Установить, какие знания отвечают оптимальным условиям толкования, можно только путем аппроксимации к контексту.

© Бочкарев А.Е.

Дата поступления: 28.04.2016

Дата принятия в печать: 07.06.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. (1995). Интегральное описание языка и системная лексикография [*Apresyan Yu.D. Integral Language Description and Lexicography System*] // Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры.
2. *Аристотель* (1978). *Топика* [*Aristotle. Topics*] // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль. С. 347—531.
3. Бочкарев А.Е. (2007). Эпистемологические аспекты значения [*Bochkarev A.E. The Epistemological Aspects of Meaning*]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
4. Бочкарев А.Е. (2012). Социальные нормы в функции интерпретанта [*Bochkarev A.E. Social Conventions as an Interpretant*] // Сб. научных трудов: Проблемы перевода, лингвистики и литературы. Вып. 15. Т. 2. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. С. 69—75.

5. Бюлер К. (1993). Теория языка. Репрезентативная функция [*Bühler K. Theory of Language: The Representational Function of Language*]. М.: Прогресс.
6. Витгенштейн Л. (1994). Философские работы. Часть I [*Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Part I*]. М.: Гнозис.
7. Волошинов В.Н. (1995). Философия и социология гуманитарных наук [*Voloshinov V.N. The Philosophy and Sociology of Humanities*]. СПб.: Изд-во Аста-пресс Ltd.
8. Гадамер Х.-Г. (1988). Истина и метод. Основы философской герменевтики [*Gadamer H.-G. Truth and Method*]. М.: Прогресс.
9. Гуссерль Э. (1999). Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга 1. Общее введение в чистую феноменологию [*Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I: General Introduction to a Pure Phenomenology*]. М.: Дом интеллектуальной книги.
10. Лаккофф Дж. (2004). Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [*Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*]. М.: Языки славянской культуры.
11. Миллер Дж. (1990) Образы и модели, уподобления и метафоры [*Miller G.A. Images and Models, Similes and Metaphors*] // Теория метафоры. М.: Прогресс. С. 236—283.
12. Мокшицкий Э. (1991). Между эпистемологией и социологией знания [*Mokrzycki E. Between Epistemology and the Sociology of Knowledge*]. М.: Прогресс. С. 109—124.
13. Ору С. (2000). История. Эпистемология. Язык [*Auroux S. History. Epistemology. Language*]. М.: Прогресс.
14. Платон (1990—1994). Собрание сочинений в четырех томах [*Plato. Selected works: 4 volumes*]. М.: Мысль.
15. Растье Ф. (2001). Интерпретирующая семантика. [*Rastier F. Interpretive Semantics*]. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
16. Филлмор Ч.Дж. (1988) Фреймы и семантика понимания [*Fillmore Ch. J. Frames and the Semantic of Understanding*] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс. С. 52—92.
17. Щедровицкий Г.П. (1997). Философия. Наука. Методология [*Shchedrovitzky G.P. Philosophy. Science. Methodology*]. М.: Школа Культурной Политики.
18. Путнам Н. (1990). *Représentation et réalité*. Paris: Gallimard.

TO THE EPISTEMOLOGICAL FOUNDATION OF THE THEORY OF MEANING

A.E. Bochkarev

National Research University “Higher School of Economics”
Bolshaya Pecherskaya st. 25/12, Nizhny Novgorod, Russia, 603155
abotchkarev@hse.ru

All theories of meaning, whether they are based on ideas, concepts, prejudices, social conventions or mental representations, agree on the key point: knowledge is necessary pre-condition for understanding. In this context, epistemologically-oriented semantics should define which knowledge is chosen primarily for the interpretation and assess whether one can build a unified interpretative model based on the principles of “epistemic conservatism” (S. Auroux).

Key words: theory of meaning, epistemology, knowledge, social conventions, mental representations